

ЮРИЙ ПОТАПОВ

БАЛЯ

РАССКАЗ

Этих мест, куда я забрался, пожалуй, не знает и сам дьявол.

Н. Пржевальский

Эх, Казыр, Казыр, злая непутёвая река! Мало людей прошло по твоим берегам от истоков до устья, и ни один человек ещё не пробился через все твои шиверы и пороги. О чём бормочет твоя говорливая вода? Что ты рассказываешь, Казыр, — единственный свидетель и недобрый участник трагедии, о которой уже много лет помнят тысячи сибиряков?..

В. Чивилихин
“Серебряные рельсы”

В октябре 1942 года в бассейне Казыра вела изыскания под железную дорогу Абакан—Тайшет группа изыскателей. Руководитель — Александр Кошурников, молодые специалисты — Алексей Журавлёв и Константин Стофато. Все они погибли. Дневники Кошурникова были найдены только спустя два года; по ним Владимир Чивилихин и воссоздал эту трагедию, назвав её “Серебряные рельсы”. На железной дороге есть станция Кошурниково и два разъезда — Журавлёво и Стофато.

ПОТАПОВ Юрий Иванович родился в Ленинграде в 1937 году. Окончил МГРИ в 1959 году. Автор “Государственные географические карты”. Публиковался в “Известиях Академии наук СССР” и в книге “Геологи шутят”. Пенсионер. Живёт в Москве.

Казыр и Кизир — реки-братья, родились они в самом сердце Западных Саян. Разъединяет их хребет Крыжина. В верховьях этих рек в 1973—1974 годах экспедиция 15-го района вела специальную инженерно-геологическую съёмку масштаба 1:500 000. Начальником экспедиции был я.

Именно здесь, в верховьях Кизира, едва не произошла такая же трагедия, только тридцать два года спустя. Три маршрутных группы в самом начале сентября были заброшены вертолётom в эти места — Власов, Щербина и Валя Штенгелова. У Власова и Щербины рабочие — опытные таёжники, знали и тайгу, и эти места, с такими не пропадёшь. У Вали рабочий — студент Новочеркасского института, осетин, попал в горную тайгу впервые.

Начальник партии (фамилию его называть не буду, чтоб не бросать тень на других носителей этой хорошей фамилии, но прозвище у него имелось — Битюг) дал Вале задание: отработать ключевым методом участок в самых верховьях Кизира. Маршруты однодневные, петлевые. Работа знакомая, дней на пять-шесть. Продуктов на двадцать дней, рации нет, ружьё 16-го калибра и десять патронов с мелкой дробью. Вертолёт с начальником улетел. Всегда грустно, когда провожаешь взглядом улетающий вертолёт, пока он не растает в дальних облаках.

Обустроились. Поставили две палатки, начали работать. Всю работу за первую неделю сентября выполнили. Студент за это время извёл шесть патронов по каким-то мелким птицам и был очень доволен, что работает в тайге и умеет стрелять. Валя только улыбалась, глядя, как он заготавливает дрова для костра. Топором он владел плохо. Однажды конец сучка, который он безуспешно рубил, сыграл ему по лбу, да так динамично, что с тех пор Валя заготавливала дрова сама.

Битюг обещал вывезти их не позднее 10 сентября. Началось ожидание. Томительное, тягучее, тревожное. Я сам неоднократно подолгу ждал вертолётa: и пять, и десять, и однажды тридцать дней после контрольного срока. Сразу приходят мысли, что началась война (связи, естественно, не было), и все вертолётy мобилизованы.

Идти или ждать? Мучительный вопрос. Ещё более мучительно — ожидание. Если идти, то от Кизира до ближайшего жилья 250 километров. Тайга непроходимая. Бурелом, “непропуски” по берегам реки — не пройти. Всё это Валя знала. С 15 сентября начали экономить продукты. Контрольный срок — 20 сентября. После — это уже ЧП. Надо сообщить в Экспедицию, в объединение. Поднимать поисковые группы, искать.

Ничего этого Битюг не сделал. Ограничивался только радиограммами в Кызыльский авиаотряд: “Пришлите вертолёт!” Ни слова, что в опасности шесть человек, в том числе женщина. В Кызыле реагировали слабо — чужая территория абаканского авиаотряда, у самих тайга горит, самим вертолётy нужны, просьбы неубедительные... В общем, глухо. Битюг запил. Он и раньше был подвержен этому, а став начальником партии, и вовсе поддался... Начальник партии — хозяин! Что хочу, то и ворочу. Сотрудников успокоил — вертолёт будет, но вывезут в Кызыл. Наврал. Все и успокоились. Продолжал пить. А время шло.

Валя решила — надо идти. Надежда слабая, но что-то делать надо. Хуже всего бездействие. Студент раскис:

— Я не хочу умирать, я ещё мальчик, не мужчина, я хочу жить!

Такое скуление не вдохновляет. Рациональное решение — ждать до последнего вздоха. Найдут, спасут — иначе не может быть! Но рациональные решения приходят в тиши кабинетов и к другим людям, или приходят к тебе, но уже тогда, когда изменить ничего нельзя.

Решились. 22 сентября собрались. Оставили одну палатку. В ней — часть снаряжения, образцы. В банке из-под консервов — письмо. Об этом — позже. Пошли. В неизвестность. Аэрофотоснимки — только по край планшета. А дальше Кизир шёл по территории сопредельного листа.

В Белоярск на базу экспедиции 15-го района к 25 сентября съехались начальники партий — сдача квартального отчёта. Конечно, попили изрядно, погуляли, перемысли кости руководству. Сам это делал, будучи начальником партии.

Сижу в кабинете. Заходят начальники партий, рассказывают о результатах, о завершении полевого сезона — есть что рассказать. Потом идут по отделам — сдавать плановую и бухгалтерскую отчётность. Вроде все прошли.

Где Битюг? Что-то его не видно. Как-то скромно отвечают:

— Да прилетел неделю назад. Пьёт, однако, не просыхает. Скоро чертей будет гонять. — Это симптоматично — “белочка” на подходе. Послал за ним.

Через полтора часа явление: трясущиеся руки, мешки под глазами, красными, как у кролика, нетвёрдая походка, полубесмысленный взгляд.

— Я заболел!

— Да знаю — уже неделю болеешь! Надо выздоравливать!

Голова поникла, глаза в пол.

— Ну ладно, рассказывай! Все группы вывез из тайги?

— Нет!

— Кто в тайге?

— Власов, Щербина, Штенгелова.

Показывает на карте — где. Нетвёрдой рукой обвёл на карте участки радиусом по пятьдесят километров. Да, ничего не скажешь!

— Когда забросил?

— Второго сентября.

— На сколько дней?

— На десять.

— Связь есть?

— Нет!

— Контрольный срок?

— Двадцатое сентября.

— Продукты?

— На пятнадцать дней!

Ну, всё, думаю, Потапов! Кончилась твоя карьера, погибнут шесть человек, одна женщина — таких случаев в геологии не бывало, сколько помню. В лучшем случае получу условный срок. Но не это главное! Било в мозг — шесть человек! У всех семьи, дети! Страшно подумать. Решение созрело быстро. Оставляю дела главному инженеру. Через час выезжаю в Барнаул в аэропорт.

Через три часа спецрейсом Ан-2 мы вылетели в Абакан. Еду в обком партии. Дежурный по обкому сразу всё понял. Звонок начальнику Абаканского объединённого авиаотряда — окажите содействие! Мне:

— Поезжайте в аэропорт, он прибудет туда через полчаса. Решайте на месте!

Зря ругают нынче КПСС и Советскую власть. В наше время в этой ситуации ничего бы так не завертелось! Командир Абаканского АО Трофимов сразу понял обстановку.

— Кто забрасывал?

— Кызыльский отряд.

— Почему они не вывезли?

Битюг что-то маловразумительное бормочет. Трофимов поглядел на него, понимающе усмехнулся.

— Надо уточнить — куда забрасывали группы — район не наш, Кызыльский, — мы там мало летали.

Связались с Кызылом, выяснилось: пилот, который забрасывал группы, в отпуске, находится в санатории в Сочи. Обещали с ним связаться, уточнить места посадки. Трофимов:

— Оформляйте санздание на Ми-1, летите в Каратуз, на базу партии, а я здесь пока разберусь.

Ночь в обкомовской гостинице в одном номере с Битюгом. Он мне физически противен. Утром следующего дня вылетели. Пилот Альберт Журавлёв, совсем небольшого роста, ведёт машину очень профессионально. В Каратузе разъясняет ему задачу, хмурится:

— Штенгелова очень далеко, заправки не хватит. Надо вызывать Ми-4, организовывать дозаправку по пути.

Это ещё время. А его уже давно нет. Связываюсь с Трофимовым — обещает Ми-4 с горючим в понедельник 5 октября. Из Кызыла пришла радиogramма, пилота в Сочи нашли — уточнил, где высадил группы. От Каратуза ближе всех Щербина и Власов. Валя в самом углу листа, почти четыреста километров. Вылетаем в два часа. Альберт:

— Ты следи по карте, где идём, я здесь не летал, а я по курсу буду держать на Казыр, на Щербину.

Вертолёт в горах слышно далеко. Виктор развёл дым, я сразу его заметил. Снижаемся, садимся на косу. Здесь полный порядок — живы, здоровы, два мешка хариуса, половина козы. Уже легче — двое живы. Грузимся — назад в Каратуз.

На следующий день летим к Власову — это уже Тува. На обозначенной из Сочи площадке людей нет. Делаем два круга, на краю поляны замечаю зимовье, садимся, двигатель не глушим. В зимовье висят куски вяленого мяса, в углу медвежья шкура. Охотники-промысловики здесь обосновались. На столе записка: “Друзья! Взяли у вас немного мяса, пошли вниз по течению, попытаемся выходить на Тунку. Власов, 2 октября”.

Это почти двести километров. Решаю — за два дня далеко они не ушли. Летим вниз по течению. Через тридцать километров на косе видим дым. Власов — умница, услышал вертолёт, сразу вышел на косу — развёл дым. Садимся, грузимся — назад в Каратуз. Ещё легче — уже четверо в порядке. Осталась одна Валя. Что с ней?

Из Абакана пришёл Ми-4 с горючим. Двумя вертолётами идём по долине Кизира на восток. Через двести пятьдесят километров выбираем площадку, садимся, выкатываем шесть столитровых бочек с бензином. Назад в Каратуз. К вечеру Ми-4 уходит в Абакан.

Долина Кизира. Страшное место. Первозданная стихия камня. Сюда, к этому намертво запутанному “горовороту”, тянется с запада хребет Крыжина, разделяющий истоки Казыра и Кизира.

Нет конца этому царству скал, отвесных стен, бурлящей воды среди диких утёсов выразительных и странных форм. В долине, когда скалы отступают от бурлящего потока, — непролазная, чёрная тайга. Сплошь завалы. Обомшелые гниющие стволы, волглые упругие сучья, трухлявые пни — выматывают силы. Идти по таким завалам и трудно, и опасно. Того и гляди торчащий сук выткнет глаз или сломает ребро, либо предательская колодина вывихнет ногу. Иногда двигаешься на высоте двух метров от земли, перелезая с одного ствола на другой. В тайге сумрачно и сыро. До земли свисают с веток пряди седого лишайника, гниют внизу останки проживших не одну сотню лет лесных великанов. И две маленькие человеческие фигурки, согнутые рюкзаками, медленно и упрямо двигаются вперёд. Только вперёд. Там жизнь. Там люди, там спасение. Нас будут искать, нас найдут!

Шли уже десятый день. Ослабли, оборвались. Продуктов почти нет. Студент ещё несколько раз стрелял — безрезультатно. Ружьё пришлось бросить — лишняя тяжесть. Пытались ловить рыбу, но там то ли места были неуловистые, то ли подсекать не умели, время потеряли, шли дальше. Надежды было всё меньше. Хрупкая, тоненькая женщина и длинный худой студент молча продирались сквозь дебри — вперёд! Только вперёд! Там надежда, там жизнь! Студент совсем деморализован. По ночам стал бредить:

— Шашлык из молодого барашка! Ты не знаешь, а я знаю, я знаю, я знаю...

К счастью, дождей не было — это дополнительная надежда на вертолёт.

По ночам сильно мёрзли — ватные спальные мешки оставили на подбазе — тяжёлые, укрывались тентом, ворочались у костра, прожигая и без того дырявые энцефалитки. Надежда таяла с каждым часом.

Вечером студент сказал:

— Никуда завтра не пойду, здесь умирать буду. Напишешь отцу в Осетию, в Ардон, что я умер, как мужчина. Если дойдёшь, если дойдёшь!..

Утро. Иней, холодно. Валя растолкала студента:

— Надо идти!

— Не пойду, здесь умирать буду!

— Заладил! Пойдешь!

Тормошила, два раза хлестнула по щеке.

— Ты не мужчина! Идём!

Встал, шёл, как сомнамбула, шатался и спотыкался. Солнце встало, исчез иней. На третий час похода тайга расступилась — поляна, у опушки — зимовье, из трубы идёт дым. Бегут две собаки, лают. Кусать не стали — не сторожевые, охотничьи лайки, к людям спокойно относятся. Бросились к избушке. На порог вышел мужчина. Протянул руку:

— Николай.

Что можно сказать — удача, счастье, жизнь! Николая — промысловика-собольтника — забросили сюда вертолётом на зимний промысел 30 сентября. Спаслись!

Альберт заводит двигатель, взлетает, делает круг над селом, берёт курс на восток. В кабине только пилот, на заднем сиденье — столитровая бочка с бензином и длинный шланг. Удачи, Альберт! Удачи тебе, Валя!

Рассказывает Альберт Журавлёв — пилот Ми-1:

— Из Каратуза иду на восток, высота три тысячи метров, рулю по курсу, на вершину, куда вчера забросили горючее. Встречный ветер, поэтому девяносто километров, не больше, делаю. Долетел, сел, двигатель не глушу. Перелил бензин из бочки в гондолу, бочку выкинул. Лечу на лагерь. Места незнакомые. Здесь кызыльские летают. Хорошо, пилот из Сочи уточнил место выброски. Подлетаю, сильный встречный ветер, но ничего, обратно помогать будет. На поляне людей нет, делаю пять кругов, наконец, замечаю палатку. Брезент выгорел, среди осенней жухлой травы почти незаметен. Сажусь подальше, двигатель не глушу. В палатке мешок с образцами, спальники, на одном банка, в ней записка. Читаю: “Ушли 22 сентября, продуктов мало, патронов тоже. Пойдём вниз по Кизиру. Ждать больше не могли. Ищите нас, ищите. Я хочу жить, я сделаю всё, чтобы спастись! Ищите нас, ищите! Валя”. Пошёл вниз по Кизиру, но не по прямой, а кругами. Без наблюдателя плохо, машину держать надо — ветер в спину, да и во все стороны и вниз смотреть. Нет хуже — людей в тайге искать. Так, постоянно кружась, иду, отошёл вниз километров на пятьдесят. Смотрю — зимовье. Люди бегут — сел. Они. Обнимают, целуют. Охотник полмешка хариуса притащил, козлиную шкуру. “Куда?” — говорю. “Ноги дома будешь греть”. Взял — спасибо. Погрузились, взлетели. Лётный день осенью короткий, только до захода солнца — до Каратуза не долететь, хоть и ветер помогает. Садимся на горе, где горючее. Темнеет. Сказал ребятам, чтоб ставили палатку, сам в кабине. Глушить не буду. Если сравнить воздух при неудачных запусках, уже без внешней помощи не заведёшь. Надо Ми-4 вызывать с компрессором, а это лишняя история, объяснения, почему не на базе ночевал. Начальству придраться к рядовому пилоту — раз плюнуть. Всю ночь гонял двигатель на холостых. С рассветом ребята помогли залиться под завязку — пошли на Каратуз. Вот и все дела.

Вчера вертолёт не прилетел. Связи тоже не было. Всю ночь не спал. Курил, хотя и не курю. Нервы на пределе. Битюг пьёт, два раза приходил пьяный, что-то бубнил, выгнал его — противен!

В 10 утра слышим — летит! Вся партия кинулась на посадочную площадку. Вертолёт сделал круг над селом, в просвете кабины, кроме пилота, видны люди. Неужели спасены? Садится. И ужас!! С горки, прямо под винты бежит Битюг, сияя пьяной рожей. Я закрыл глаза. Знаю, видел однажды. Сейчас лопасть ударит по башке, кровь, мозги разлетятся на десять метров, не соберёшь. Лопасть ударила по волосам, Битюг упал, сбил слюну от страха, на карачках пополз в обратную сторону. Все обнимаемся, целуемся, кричим от радости. Альберта качаем на руках. Весь день пьём. Женщины, когда читали Валину записку, — рыдали.

На следующий день я улетел в Абакан, а оттуда в Барнаул. Нервное напряжение было такое, что я работать не мог, а пил водку с Юрием Климовым. Он работал на соседнем листе, верховья Кизира тоже на его территории. Рассказал, что в июле забросился вертолётом в те места. Спускался по Кизиру на резиновой лодке. Жуткие места. Сплошные перекаты, пороги. Проплы-

вали они и охотничью избушку, на которую вышла Валя. Там тогда никого не было. Ниже, через десять километров ущелья, отвесные скалы, шиверы и пороги со стоячими волнами. Тянется всё это на пятнадцать километров. Место это называется Баня. Обойти нельзя — сплошные скалы. Так что Вале повезло с избушкой. Ниже им не пройти было.

Битюга я освободил от должности начальника партии, вскоре он вообще уволился. Больше я его не видел. Говорили, что он умер. Вот и вся печальная история со счастливым концом.

Какая же была у Вали душевная сила, какая надежда, какая мужественность, какое стремление к жизни, чтобы выдержать всё это! А она выдержала, прошла все эти дебри, вытащила себя и студента из верной гибели. Спасибо тебе, Валя! Живи и здравствуй! А я тебя всегда буду помнить.